







## ● СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ



**КОГДА  
СНИМАЛИ  
ФИЛЬМ**

Еженедельник № 45 (64)



СНИМКИ эти сделаны летом 1938 года. На одесской кинокомпании шла напряженная работа. Студия «Ленфильм» снимала там три эпизода для второй сэрии картины «Петр Первый». Съемки в режиссер Владимир Петров.

С берегов Невы съемочная группа перебралась к солнцу, теплу, к Черному морю. Сюда прибыли из Ленинграда 28 автомобилей с грузом: костюмы, обувь, оружие и другое для петровской и шведской армий, киноаппаратура, пропагандистский материал, ящики с гравюрами — все равно что винтовки.

В автомобиле приезжали на съемки царь Петр, его приближенный Александр Меншиков и, конечно, царица Екатерина. Однажды в перерыве между съемками мне довелось подметить и сфотографировать Петра Великого, сопровождаемого разглядывающим только что прибывший номер журнала «Огонек».

Роль царицы Екатерины исполнила Алла Константиновна Тарасова, царя Петра — Николай Константинович Симонов, Александра Меншикова — Михаил Иванович Жаров. Было жарко, они парились в замысловатых костюмах далекого прошлого...

Эти давнишние фотографии показывают исполнителей главных ролей в момент репетиции, потом таким, как они появились на экране.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ.

● Н. Симонов — Петр I.

● Репетиция.

● Кадр из фильма «Петр Первый».

В. Лынич (село Винники, Львовская обл.).

В. Могилевский, патентовед (Киев).

Б. Петрушанский, студент (Ленинград).

32кг

И. Крюков, инженер (Ленинград). А. Бавыкин, журналист (Оренбург).

СПРАШИВАТЬ художника о самом любимом его творении — все равно, что допытываться матери, кто из детей ей дороже. Но когда я попросила Хамзата Баксануховита показать свою работы, он начал с «Революции». Потому что эта монументальная композиция, от которой посетители Нальчикского историко-краеведческого музея остались множеством добрых отзывов, выражает главное в творчестве первого балкарского скульптора — высокий гуманизм, обостренное чувство времени. Погодинок человека и чудовища символизирует свержение власти насилия и несправедливости, победу зобра над злом. В образном решении темы мастер идет от народной песни: «Возьмется в наши спины когти двуглавого орла...». Но использует национальную символику для воплощения идеи общенародной борьбы за свободу, равенство и счастье. Той борьбы, что обожгает наши сердца грозным гибением шадровского «Пролетарина», стогами мужества латышских стрелков В. Альтгера, страстью отваги «Георгия Саакадзе» М. Берденишвили.

Язык революции — един...

Крымшамхалову он блок знал потому, что его главная тема — война в борьбе, в высоком напряже-

нии творческого труда. Герой скульптора — воины, колхозники, писатели, учёные. Реальные люди, они и то же время выражают определённую эпоху, определённого мировоззрения.

Мысль словно высвечивает изнутри гранитный портрет поэта Кшиштофа Мечникова. Трудно оторваться от

этого величественного лица, запечатлевшего мудрость народа, философское раздумье о жизни. Или остатки разновидностей перед небольшой бронзовыми скульптурой зачинателя советской кабардинской поэзии Али Шагенухова, погибшего в фашистском концлагере. Колossalная пророка сонета в грудь умира, как некогда когти чудовища в спины его предков. Но сюзга против насилия восстает человеческий дух. Несомненность в гордо поднятой голове воина и поэта. Любовь к Отчизне дает ему силу преодолеть страдания.

Эта любовь поддерживала в трудную военную годину и самого Хамзата Крымшамхалова, командира батальона в гордо поднятой голове воина и поэта. Любовь к Отчизне дает ему силу преодолеть страдания.

Казалось бы, можно уже ощутить удовлетворенность сделанным: бо-

лее полусотни кружных работ, множественные дипломы и грамоты. Но ведь только когда ничего не умеешь, думашь, что умешь все. Требовательность к себе рождает новые пропорционально мастерству. Художник шел через раздумья, сомнения, через множество вариантов одного и того же произведения. Так, недавно скulptурным портретом Ильи Крымшамхалова работал десантник Хамзат Баксанухов.

Хамзат Баксанухов мечтает о гигантской, высеченной прямо из скалы над Голубыми озерами символической фигуре матери-Кабардино-Балкарии, об освобождении Прометея среди родных гор своей страны. Хотел бы ученок извлечь из памяти о первооснователе на Эльбрусе...

Наверное, это будет творение, которым скульптор сможет гордиться. Но всякий раз, когда его будут спрашивать о самом любови, он прежде всего покажет свою «Революцию».

Нина ЕГОРОВА,  
сот. корр. «Советской культуры».

## ● БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРА ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ

Это одно из самых популярных экспонатов Государственной Третьяковской галереи, и, пожалуй, наиболее известное широкому зрителю произведение великого русского художника Валентина Александровича Серова. Из этюда «Девочки в розовом», или «Девочки» — как стояли эти портреты в один из самых замечательных произведений русской живописи, в полной глубине ее значения «картины», отметил целую полосу русской культуры... «Девочки с персиками», как в называл в свое время этот портрет-картина, давно уже вошли в золотой фонд русского искусства — так пишет И. Э. Грабарь. И добавляет восторженно: «Красивый шедевр, персыка абсолютно серовская вещь», «один из драгоценнейших произведений всей русской школы живописи».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

В Абрамцево Серов приехал по приглашению «своей второй матери» — Елизаветы Григорьевны Мамонтовой, как только увидел Верушку, забежавшую после кукольного спектакля в столовую Абрамцева, сразу же решил ее написать. Но девочка отличалась неподсознательностью, да и молодой художник, как думали тогда друзья, не обладал усидчивостью и склонностью к углубленному труду.

Но проходили недели, а Серов каждая утром сажал Верушку за стол. Его медлительность, казалась уже чрезмерной и вызывала недоумение. Что особенно муд-

ростию! Какие душевные сложности могут быть у ребенка!

Серов отмалчивался. И только однажды проговорил, что хочет сохранить непосредственность первого впечатления, поэтому же работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».

Да и сама модель оказалась не столь простой. Серов не мог не заметить упрямства, некоторой надменности и капризности первого впечатления, поэтому и работает долго. А много лет спустя, в 1906 году, художник добавляет: «Все, что я добавляю, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствую в натуре и не видишь в картинах. Писал в большую меща и измучил ее, будущую, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров».